ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

Г. З. Тиунов

Комсомолец Иван Раксин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о жизни Ивана Ильича Раксина — одного из первых комсомольцев Сивы.

- Георгий Тиунов
  - Не умом, а сердцем
  - Не гнись, сынок!
  - Комсомола боец
  - Дневник Августы Басмановой
  - Торговля — это политика
  - Зрелость
  - На переднем крае
  - Трудный экзамен
  - Высокий пост
  - Лицом к лицу
  - Источники

Георгий Тиунов
Комсомолец Иван Раксин

Не умом, а сердцем

Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму

Из песни

Придерживая рукой полы рыжего полушубка, Иван покачивался на скрипучей огородной жерди.

Мартовское солнце дробилось в снегу разноцветными искорками. Тускло поблескивали заиндевелые комья неоттаявшей земли, разбросанные черными кляксами по всему полю — это рыли окопы. Их бугроватая извилистая полоса отчеркнула село от леса, за которым глухо, едва слышно ухали пушки.

Части Красной Армии, сдерживая колчаковские дивизии, медленно отступали. Всю неделю по тракту через Сиву тянулись обозы, санитарные фургоны, мчались ординарцы. Ночами канонада затихала. На небе вздрагивали кровавые вспышки далеких пожаров. Оттуда шли белогвардейцы.

Взрослые называли их беляками и нехорошо ругались при этом. И пылкая мальчишечья фантазия рисовала парню врагов в виде страшных чудовищ, одетых в саваны.

Теперь Иван с опаской поглядывал в сторону криволапых елок и тощих осин. Еще вчера лес был близким и знакомым, а очутившись за линией окопов, он казался чужим и неприветливым. По дороге к нему молча, в угрюмой сосредоточенности брели женщины, подростки, старики, солдаты. С лопатками, кайлами и ломами они шли неторопливо, приберегая силы для тяжелой работы.

Не вытерпев, Иван соскочил с изгороди и, сдвинув ушанку на затылок, пристроился к группе женщин. Следом за ними он хотел спрыгнуть в глубокий окоп, но чья-то сильная рука схватила его за мохнатый воротник.

— Постой-ка, мужичок с ноготок! Не воевать ли часом собрался?

Иван оглянулся. Заросшее, почерневшее под студеными ветрами лицо солдата было злым и озабоченным. Только в усталых, покрасневших глазах прыгали озорные огоньки, выдавая веселый нрав.

— Нет, дяденька. Я к маме хочу.

— Фамилия-то как у нее?

— Раксина.

— Сейчас отыщем.

Солдат поднес ко рту руку в громадной рукавице из серого сукна и крикнул:

— Рак-си-на-а-а!

Из окопа вылезли две женщины. Ваня узнал их сразу. Впереди, рослая, широкоплечая, размахивая лопатой, бежала мать, за ней семенила по твердому насту старшая сестра Мария.

— Что случилось, Ванюшка? — издали спросила Анна Егоровна.

— Ничего не случилось.

— Так зачем звал? Фу, как я испугалась, аж сердце закатывается!

— Я и не звал. Это вот он крикнул, — Ваня показал на солдата, а тот, не замечая недоуменного взгляда матери, строго бросил:

— Отправляйтесь-ка домой. Скоро тут осы начнут летать. Слышите, как гремит?

Канонада росла, ширилась, и когда солнце скатилось за бледно-синие увалы, первые снаряды со скрежетом и воем рванули на околице. Жалобно звякнули оконные стекла, и молодая черемуха, срезанная осколком, прошуршала голыми ветвями по стене.

Анна Егоровна потушила коптилку. В темноте она пристроилась возле печки-«буржуйки» и, бесцельно переворачивая красные угольки, прислушивалась к долетающим сюда, в подполье, звукам боя.

Пулеметные очереди и частые винтовочные залпы сменяли друг друга. Земля от взрывов вздрагивала и осыпалась жиденькими ручейками.

«Где-то мои маются», — думала Анна Егоровна о муже и старшем сыне Василии, которые ушли с красными еще осенью. Но тревога о них была какой-то спокойной, привычной, а вот о детях изболелось сердце. Шесть дочерей, мал мала меньше, да сын Иван, единственный десятилетний мужик в доме, спрятались под разношерстным хламом и спят. А она не может. Какой сон, если в доме ни куска хлеба и высунуться из голбца нельзя.

В тревоге, в грохоте боя, не умолкавшего ни на час, прошла неделя.

263-й стрелковый полк, пополненный местными коммунистами и комсомольцами, грудью защищал Сиву. Несмотря на тройное превосходство, офицерская дивизия колчаковского генерала Пепеляева не могла сломить сопротивление красных бойцов. С ожесточением штурмовали колчаковцы позиции полка, который к исходу недели можно было собрать в одну роту.

В ночь на 19 марта 1919 года командование 3-й армии приказало сдать Сиву. Под покровом темноты уцелевшие остатки полка отошли в глубину таежных лесов, к верховьям Камы.

Неожиданно наступившая тишина испугала Анну Егоровну. «Неужели наши отступили?» — подумала она и невольно вздрогнула. Мать знала по рассказам беженцев, что колчаковцы никого не милуют, а красноармейским семьям достается особенно лихо.

Ее нерадостное раздумье нарушил топот кованых сапог. Крышка подполья с грохотом распахнулась, и два солдатских лица наклонились к проему:

— Кто есть живой, вылазь на белый свет!

Мать разбудила детей и первая поднялась по ступенькам. Ослепительное солнце больно резало глаза, и она зажмурилась. За ее подол держались дочурки, сонные, русоволосые. Потирая глаза и зябко поеживаясь, они испуганно смотрели на солдат с погонами. Только Иван стоял особняком, немного в стороне, исподлобья разглядывая пришельцев.

— Все, что ли? — зло спросил офицер.

— Все тут, — спокойно ответила мать.

— Врет она, господин поручик, врет! Муж и сын у большевиков, — взвизгнул Павел Караваев. Это он привел белых к Раксиным.

Маленькими припухшими глазками он угодливо смотрел прямо в рот офицеру, ожидая приказания.

— Обыскать! — рявкнул тот.

В избе все на виду, и солдаты недолго ворошили домашний скарб. Караваев спрыгнул в подполье, но и там добра оказалось не больше. Чертыхаясь, он вскоре вылез с ведром яиц, припрятанных матерью на черный день.

— Ребят пожалей, Павел, — попросила Анна Егоровна, протянув руки к ведру.

— Их, коммунистенков, не жалеть, а топить в пруду надо, — ответил он и, выхватив из-за голенища ременную плетку, наотмашь ударил мать.

Девочки заплакали, а Караваев, брызгая слюной, топая сапожищами, бил их, приговаривая:

— Всех задушу, всех. Я вам, голодранцам, покажу коммунию!..

Ивану попало больше других, потому что он не нырнул в голбец, а стоял и только вздрагивал, когда плеть обжигала тело. Широко раскрытыми, полными слез глазами он смотрел на обезумевшего Караваева, никак не понимая, за что тот бьет его.

Уходя, Караваев велел старшей дочери явиться вечером в

казарму мыть полы. При этом он так злорадно усмехнулся, что мать сразу поняла, на какой позор обречена Мария.

Схватившись за голову, Анна Егоровна устало опустилась на скамью. Холодный ветер, врываясь в разбитые пулями и осколками окна, гулял по избе.

Жмутся к лесу кудлатые облака, и луна нет-нет да и взглянет на землю. Нигде ни звука, ни огонька, маячат на перекрестке часовые, в черных полыньях на загустевшей смоляной воде вспыхивают и гаснут холодные призрачные синие блики.

Иван обходил стороной эти страшные проломы, то и дело оборачиваясь и подгоняя сестренок.

Анна Егоровна, отправляя их к тетке, за пруд, наказывала:

— Идите быстрее. А то чего доброго ироды начнут стрелять. Приказ такой вышел — из села ни шагу.

Но оставаться в Сиве было еще опасней; и ребята пустились в путь.

Белые патрули заметили их недалеко от противоположного берега и открыли огонь. Пули, посвистывая, пролетали над головами. Прижимаясь к колючему насту, обдирая до крови колени и руки, ребята ползком добрались до спасительного берега.

… К тетке часто заходили соседи, приносили с собой безотрадные новости. Они говорили вполголоса и сокрушенно покачивали головами. Иван, свесившись с полатей, жадно ловил обрывки фраз.

Новости были тяжелыми. Они пригнули людей к земле, стерли с лиц приветливые улыбки. И, когда-то шумные, деревенские улицы весной 1919 года заполнила настороженная кладбищенская тишина.

В Сиве колчаковцы расстреляли шестидесятилетнего М. Г. Наумова за то, что один из его родственников — А. П. Якунчихин был организатором Советской власти на селе. Семьи красноармейцев были перепороты шомполами. В домах активистов и советских работников белые рубили полы, окна, стены. Они тащили все, что попадет под руку. Трупы красногвардейцев, похороненных в 1918 году, колчаковцы вырыли из братской могилы и уволокли на скотское кладбище.

Бурые, ржавые ручьи в ту весну казались наполненными человеческими слезами и кровью.

Много горя и слез увидел десятилетний парнишка. Суровая недетская складка легла между размашистыми колосками бровей.

И когда первый батальон полка «Красных орлов» под победную музыку труб вошел в село, Иван, подчиняясь

нахлынувшему чувству радости, пристроился сзади красноармейской колонны и, отпечатывая босыми ногами следы в дорожной пыли, гордо пел:

Смело мы в. бой пойдем
За власть Советов!

Не гнись, сынок!

Веселым маляром пробежала осень по березовым рощицам, густым ивнякам и лугам, разбросав повсюду золотистые, алые, вишневые пятна.

Высокий, сутуловатый Илья Васильевич Раксин, широко размахивая руками, шел по сжатой полосе. Рядом бодро вышагивал Иван.

Они остановились на холме. Отец отдышался и, присев на корточки, сказал сыну:

— Кроме этого участка, вон тот, где был поповский денник, тоже наш теперь. И вон там, у варниковских ворот, наш, и на Чугайке тоже наш. Вот сколько ее привалило, землицы-то!

— А я знаю, кто нам ее дал! — хвастливо прищелкнул языком Иван и в ожидании вопроса впился серыми глазенками в отца.

— Кто?

— Ленин, — взволнованно ответил сын, — Владимир Ильич. Нам учитель сегодня рассказывал.

Илья Васильевич похлопал Ваню по плечу, и глаза его оживились, заблестели.

Сам он был неграмотным. Когда один за другим появились на свет два сына и шесть дочерей, Илья Васильевич и не думал, что кому-то из них удастся научиться читать и писать.

Суглинистая, истощенная десятина земли не могла прокормить, и пришлось Илье Васильевичу заняться дедовским ремеслом — он стал печником.

Революция вернула Раксина к земле. Десять десятин получил он из рук Советской власти. Первый раз осенью 1920 года сочувствовал он себя человеком и позавидовал судьбе сына хорошей отцовской завистью.

Иван учился во втором классе. По сравнению со сверстниками он выглядел старше. Не столько высокий рост, сколько умение сделать любую мелочь самостоятельно, постоянная готовность защитить товарища выделяли его.

Все, услышанное на уроках, Иван с важностью рассказывал младшим сестренкам и, смешно копируя учителя, заставлял их отвечать и объявлял оценки.

Ничего, кажется, не предвещало беды.

Ребятам было невдомек, о чем шептались на кухне мать с отцом, почему чаще и чаще на ужин подавался жиденький суп, а утрами уже не появлялись любимые оладьи.

А весной хлеб резали тонкими, почти прозрачными ломтиками…

Ребята, как и взрослые, мечтали о новом урожае, который виделся во сне громадным пышным караваем с хрустящей, поджаренной корочкой.

Но осень обманула ожидания. Начался голод.

Зима 1921 года навсегда запомнилась Ивану.

После занятий в школе они с сестрой Натальей отправлялись на старую мельницу. Они шарили по углам и выскребали пальцами оставшийся в пазах бревен бус. Серую пыль, пахнущую плесенью, ссыпали в мешочек и дома делили щепотками.

За кусок хлеба Раксины ходили работать к местному богатею Истомину, который в полушубках и теплой одежде к работе не допускал.

— Когда человек мерзнет, он пуще шевелится, — говорил Истомин, подгоняя уставших и обессиленных ребятишек.

В голодные дни этого страшного года узнал Иван, какой дорогой ценой оплачивается каждый грамм хлеба.

И все-таки школу он не бросил.

Пытливый, любознательный, настойчивый, Иван мог бы шагать со ступени на ступень, поднимаясь к высотам науки. Но случилось иначе.

Летом 1922 года заболел отец.

По русскому обычаю надев перед смертью белую чистую рубаху, он позвал к себе сына:

— Я, кажется, Ваня, находился по белу свету.

Он долго молчал, собираясь с мыслями; и сын, глотая слезы, спрятал голову в плечи, стараясь не смотреть на восковое лицо отца.

— Не гнись, сынок! Слышишь! Ты главным остаешься в доме.

Умер Илья Васильевич, как и жил: тихо, никого не потревожив.

Нехитрые на вид домашние заботы и крестьянские дела легли на неокрепшие плечи Ивана.

Окончив четвертый класс, он понял, что уходит из школы надолго, может быть, навсегда.

Так кончилось босоногое детство.

Трудно было парню на первых порах. Жизнь частенько награждала тумаками, била наотмашь за каждую ошибку и заставляла прислушиваться не к озорному посвистыванию одногодков, а к неторопливым мужским разговорам.

Словно пчела мед с цветков, собирал Иван житейскую мудрость, спрятанную в побасенках, присказках и приметах, проверял ее на деле, не пытаясь еще сделать что-то по-своему. И к четырнадцати годам он стал среди хлеборобов своим человеком, с которым можно посудачить, излить душу, просто помолчать.

Под новый год к Раксиным зашел Семен Осипович Механошин. Бывший партизан, человек большой воли и светлого ума, он считал семью Раксиных вторым домом и помогал, как мог — когда советом, когда руками, которые в селе называли золотыми.

Иван сидел в переднем углу и читал.

Семен Осипович достал из кармана горсть конфет в цветастых бумажках и, угостив девочек, подошел к столу.

— Видно, ты решил сиднем сидеть тридцать лет и три года, — пошутил он и положил ладонь на страницу.

— Думаю дочитать сегодня, дядя Семен, — сказал Иван. — Интересная книга.

— Да-я, — многозначительно протянул Механошин. — Раньше в новогодние вечера только калеки да годовалые ребятишки не веселились. Да и нынче тоже. Ты выйди-ка на улицу, посмотри, что делается — шум, гам, песни.

Иван попробовал сослаться на занятость и работу, но Механошин стоял на своем:

— Тебе в комсомол надо вступать, там мигом встряхнут и к делу приставят, — закончил Семен Осипович.

Мысли о комсомоле давно волновали Раксина. Много раз со своими друзьями Шилоносовым, Караваевым, Никулиным заходил он на репетиции и диспуты, бывал и на комсомольских вечерах отдыха, читал стенные газеты, выпущенные комсомольцами, и замечал, каким уважением пользуются парни и девушки — члены РКСМ, которых называли в селе не иначе, как молодыми коммунистами.

Напоминание о комсомоле оживило Раксина. Он подвинулся к дяде Семену и твердо сказал:

— Подойдут года — не задержусь, вступлю в ячейку. Вот увидите, вступлю.

Это время пришло весной 1925 года.

Комсомола боец

Гигантской подковой выгнулся старый парк на берегу пруда. Столетние липы и березы хранили на стволах метки, сделанные еще барчуками, а в ветреные дни длинные ветви угрюмо махали над крышей бывшего господского особняка, в котором хозяйничала теперь комсомолия.

Иван, потоптавшись возле клубного крыльца, медленно зашагал по тропе. Тонкая корочка льда хрустела под ногами. Незаметно он обошел парк и возвратился к скамейке, что стояла у клуба.

Друзья не показывались.

«Неужели ушли в райком без меня? Может, я опоздал?» — подумал он и с тревогой прислушался. В тишине лишь отчетливо журчали первые бойкие ручейки.

Неожиданно из темноты вынырнул Яша Караваев.

— Иван! Ох, ты и ругаешься, наверно? Но, честное слово, мы шли сюда, а Костя нас поймал на полпути и затащил в райком.

По тому, как взволнованно и радостно оправдывался друг, Иван догадался, что Яша и Павел опередили его.

— Значит, вас приняли? Обоих приняли?! — воскликнул Иван и хлопнул друга по плечу.

— Приняли, конечно. И ничего страшного совсем не спрашивали. Пойдем быстрее, там дожидаются тебя. Пойдем! — Яша потащил его за рукав.

В коридоре райкомовского дома Иван пригладил волосы, застегнул пуговицы полупальто и, немного отдышавшись, перешагнул порог кабинета секретаря райкома комсомола Кости Брысова. Кабинет служил местом сборов и занятий, приемной и спальней секретаря.

Невысокий, сухощавый, с задорным детским хохолком на большой голове, Костя сутками мотался по деревням, организуя новые ячейки, молодежные дозоры, агитируя, поучая и помогая молодым членам Союза. Он знал бесконечное множество прибауток и поговорок, нравился старикам за умение выслушивать их длинные разговоры и дельно отвечать, а главное — не хвалиться попусту.

Заседание бюро Брысов обычно проводил ночами, чтобы освободиться к утру и с первыми петухами мчаться куда-нибудь на дальний хутор.

Костя не мог спокойно сидеть и в кабинете. Он беспрерывно расхаживал и если заговаривал с человеком, то обязательно присаживался рядом и впивался глазами, казалось, в самую душу.

Увидев Раксина, Брысов поднялся из-за стола и подал руку:

— Проходи, Иван, проходи!

Раксин, смущенный и растерянный, сделав полшага, остановился.

— Вот, принес заявление, — неожиданно пробасил он, вытаскивая из кармана вчетверо сложенный листок.

Костя пробежал глазами по коряво нацарапанным строчкам и прочитал вслух:

Прошу принять меня в комсомол. Хочу быть юным коммунистом. Раксин.

Каждый из присутствующих знал его жизнь, как свою, но для порядка Раксина попросили рассказать автобиографию.

Раксин еще раз поправил волосы, облизал кончиком языка высохшие губы, и начал рассказывать:

— Родился 9 сентября 1909 года. Отец мой крестьянин… Умер он недавно… В семье нас восемь ребят. Земли хватит теперь. В доме я старший. Учился хорошо… Ну и, значит, в комсомоле мне самое что ни на есть подходящее место, потому как я являюсь деревенской беднотой.

Путаный, нескладный рассказ вызвал одобрительные улыбки, и Раксин, тряхнув головой, вдруг выпалил:

— Я, честное слово, пригожусь вам. Вот увидите!

Его приняли. Костя Брысов, вручая комсомольский билет, говорил тихо, но жестко и сурово:

— Быть членом нашего Союза — это, товарищ, большое дело. Это так же почетно, как и ответственно. Ты теперь стал бойцом комсомолии. Бойцом, понял? Ну, давай лапу, что ли, товарищ Раксин!

Сухая Костина ладонь утонула в большущей мозолистой руке Ивана. Он что есть силы стиснул пальцы, и Брысов, не вытерпев, присел.

— Ох, и здоров же ты, Иван! — не то обижаясь, не то восхищаясь, бросил он.

Иван вернулся домой взволнованный, праздничный и вроде возмужавший.

— Мама, — сказал он, — ты знаешь, я вступил в комсомол!

— Тебе, сынок, виднее. Ты ведь у меня совсем большак, — только и ответила мать. Она посмотрела на сына так, как смотрит всякая мать, вдруг поняв, что ребенок принадлежит уже не ей одной, а всем людям.

Ничего, кажется, не изменилось в Иване; но мать замечала, что стали мелькать в его разговорах незнакомые слова, появились у сына заботы важнее домашних, а дочери начали чаще обращаться за советом не к ней, а к брату.

Анна Егоровна радовалась и гордилась сыном.

И в ту весну словно крылья выросли у шестнадцатилетнего паренька. С окрестных хуторов, починков и деревень вечерами слеталась в клуб молодежь. С безудержной жадностью она бралась за все, не успевала, торопилась, бросала, бралась за новое. Тут легко сходились, дружили, открыто говорили обо всем на свете, считая мир до конца понятным и завоеванным.

Раксин поспевал всюду, но больше всего его влекла сцена. Освещенная рампа, настороженная тишина притихшего зала, закулисная суета — все это было новым, еще не испытанным, а потому интересным и загадочным.

Первая роль пришлась не по душе Ивану: он должен был играть кулака. Но других ролей не оказалось, и пришлось согласиться.

Коротенькая немудреная пьеса рассказывала о кулаке, купившем путевку в крестьянский санаторий. Узнав, что в санатории есть мертвый час, кулак отправляет вместо себя крестьянина и радуется счастливому избавлению от смерти, то есть от мертвого часа.

Иван приклеил кудельную бороду, засунул под рубаху подушку и смело вышел на сцену.

Но странно — он почувствовал себя связанным по рукам и ногам. Не узнавая собственного голоса, Раксин то злобно рычал, срываясь до крика, то беспомощно топтался и невнятно бормотал под нос. И вдобавок ко всему в конце пьесы, когда кулак, довольный обманом, радостно хлопает себя по животу, Иван перестарался и подушка у него вывалилась.

Неудачное начало еще больше распалило охоту играть.

Раксин взялся за трудную роль Любима Торцова и, к великому изумлению ветеранов сельской сцены, провел ее хорошо. А потом пошло!

Иван участвовал в «Синей блузе» и «Живой газете», исполнял частушки под гармошку и вскоре прослыл заправским артистом.

Незадолго до нового, 1926 года Костя Брысов встретил после репетиции Раксина и Сыропятова.

— Придется вам, ребята, отправиться в деревни, — озабоченно произнес он. — Отрепетировать успеем, а сейчас нам нужен лен. План его заготовок трещит по швам.

— Остальные тоже идут? — поинтересовался Сыропятов.

— Большинство уже отправилось. А вас не хотелось отрывать, но надо, ребята, надо! Утром в райкоме получите инструкции.

Брысов сказал это строго, и Раксин, подтянувшись, коротко ответил:

— Есть, отправиться в деревни!

Дневник Августы Басмановой

Обложка этого дневника не украшена цветочками и завитушками. Своими скупыми записями он напоминает корабельный вахтенный журнал, и не будь в нем раздумий автора, дневник походил бы на официальный документ.

Августа Басманова, секретарь Сивинской комсомольской организации, заносила в тетрадь факты, события, давала им оценки… И когда листаешь страницу за страницей, воскресает прошлое и становится понятнее и ближе человек, которому посвящена эта книга.

Откроем листок 1926 года.

«…Апрель

Вчера в селе праздновали пасху. Мы ее тоже отметили и сорвали обедню у отца Василия. Около клуба наши ребята установили репродуктор. Конечно, мало кто верил, что черная труба заговорит и даже запоет. Когда народ собрался, громкоговоритель зашипел и, как на зло, замолчал. Старики засмеялись, кругом зашушукались, а наш заведующий — Ваня Братин чуть не плакал от обиды. Тогда Раксин забрался на столб. Лазит он, как кошка, потому что приловчился с братом тянуть телефонные линии. Так вот, залез он в новой рубашке, зубами очистил провода, что-то поковырял — и радио заговорило. Девчонки вытаскивали ему занозы из ладоней и обещали постирать косоворотку.

А радио говорило и говорило. Старики крестились, некоторые сплевывали в сторону, однако не уходили; а молодежь осталась в клубе допоздна.

Мне сказали, что в церкви людей было меньше обычного. Вот это нам и надо!

Май

Старики рассказывают, что раньше князья Всеволожские выращивали в Сиве пальмы и разные диковинные растения, на которые приезжали любоваться гости из столицы.

И эти же старики упорно не хотели садить технические культуры: мол, у нас все равно, кроме овса с рожью, земля ничего не родит. Мы решили создать свой опытный комсомольский огород — пусть пощупают руками наши плоды.

Ответственным назначили Раксина. Парень он смекалистый, рукастый, да и по знанию крестьянского дела вряд ли он уступит кому-нибудь.

Один участок огорода рядом с клубом, другой — у деревни

Кузята. Раксина теперь только и ловить на них. Мать жалуется, что парень вроде сторожить нанялся. А сторожит он не зря. Уже несколько раз кто-то нарочно выпускал скот на нашу тимофеевку, но потравить Иван не дал. На днях он организовал прополку турнепса. Собрались одни парни и утерли нам, девчонкам, нос. На участках ни одной сорной травинки — значит, урожай будет богатый.

Август

Всех комсомольцев мобилизовали на хлебозаготовки. Сама я в деревне Борейково. Пишу это и думаю о долге. Что же это такое — комсомольский долг? Мне кажется, что если ты имеешь членский билет, то носи его не в кармане, а в сердце и думай сначала о деле, а потом о себе. Вот как Раксин.

Я только здесь узнала, что он отправился в Морозовку и не сказал, что почти одна треть своего хлеба у него осталась неубранной.

Октябрь

До Октябрьского праздника остались считанные дни. Возвращаются из района наши хлебозаготовители. Хвастаются друг перед другом, напускают на себя вид бывалых продкомиссаров. Что ж, им можно и погордиться. Я знаю, как трудно доставался каждый мешок с зерном. Раксин отмалчивается. Ему досталось больше всех. Ивану агитировать трудно — нет ни образования, ни политграмоты, до многого он доходит своим умом. И все-таки в деревнях, где он бывал, план заготовок выполнен. Значит, есть у Раксина какая-то своя, особая манера агитировать. Мы долго говорили о нем с Сергеем (муж Басмановой — **Г. Т.**). Тот сказал, что парни, как Иван, особенно крепки и надежны.

Декабрь

С какой жадностью учатся у нас комсомольцы! Вечерами после занятий в кружке спорим до утра. Вопросы возникают необыкновенные, острые и, как нам кажется, самые важные.

Ну разве не важно знать, что такое любовь? А можно ли комсомольцам танцевать, носить косы, первой объясняться девушке, а не парню, и сотни других вопросов, которые возникают только в семнадцать лет.

Яша Караваев однажды заявил, что необходимо издать специальное постановление и наказывать родителей, если они не разрешают дочери любить человека из-за того, что у него нет костюма и мало денег в кубышке.

Ясно — Яша защищал Раксина. У нас все знают, что любит Иван Лизу Вожакову и она любит его, но отец против связи дочери с «беспортошными», а тем более с «комсой», то есть с

нами. А нас все больше и больше!».

Торговля — это политика

Подполковник Иван Иванович Брагин, широкоплечий, коренастый, с резкими, немного суровыми чертами лица, оказался на редкость добродушным, приветливым человеком. Чувствовалось, что воспоминания далеких лет как-то особенно радостны и приятны ему.

— Странно устроена человеческая память, — размышлял Иван Иванович. — Иногда бесследно проскальзывают события не только недель и месяцев, но даже целых лет. И наоборот, некоторые годы можно вспоминать день за днем.

Брагин, помолчав, пригладил прядь седоватых волос и опросил:

— Так вас интересует, как мы торговали? Да, это было не поветрие, не кампания, а большое дело.

Часто прикуривая гаснущую сигарету, он рассказывал:

— Как и во всяком русском селе, в центре у нас стояла церковь. Надо сказать, церковь необыкновенная; похожая на нее только в Москве есть. А остальное было обыкновенным. Вокруг церкви густым венком сплелись лавки, магазины, лабазы, амбары. Пища духовная и пища телесная продавались в одном месте.

В революцию будто сквозняком выдуло всех торговцев. Время украсило прилавки голубиным пометом, опутало паутиной; и площадь заросла травой, обезлюдела. Во время нэпа воскрес базар. Зашевелилось торговое семя, потянулось к червонцу и так вымахало, что начало бросать тень на советские кооперативные лавки.

Торговцы-нэпманы хвастливо называли себя советскими купцами и поговаривали, что без них Россия пропадет, что они чуть ли не пуп земли.

Тем временем в наши кооперативы прибывали ходовые товары, их стало больше, а в газетах появился призыв: «Коммунисты и комсомольцы! Учитесь торговать!» Это был клич перед началом большого наступления на торговом фронте.

В октябре 1927 года вызывают меня в райком комсомола.

«Если вызывают, — думал я, — значит, намечается что-то серьезное и ответственное». Каждое дело тогда казалось нам нужным и важным, трудным и спешным.

В райкоме я застал своих друзей. Мы вместе вступали в комсомол, вместе агитировали по деревням и все единогласно решили, что предстоят очередные командировки, тем более, что хлеб у кулака в тот год приходилось выколачивать с трудом.

Секретарь райкома Павел Пантелеев, никогда не унывающий,

острый на язык парень, не любил произносить длинных речей и брал, как говорится, сразу быка за рога.

— Вы в магазинах бываете? — спросил он.

Все переглянулись. В магазины мы почти не заходили, потому что деньги водились в наших карманах очень редко.

И мы нестройно ответили:

— Заглядываем.

— Вот именно заглядываете, — подхватил Пантелеев, — и частушки потом пишете. То неладно, се неладно, и размалюете так и эдак. Остальные тоже норовят стороной обежать кооператив и отдать червонец нэпману или сунуть его в кубышку.

Он достал из кармана свежий номер «Комсомолки» и громко прочитал:

«Грош цена комсомольцам, у которых в магазинах нет порядка. Райкомы комсомола должны обеспечить подготовку кадров советских продавцов, комсомольцы должны научиться торговать по-советски.

Окомсомолим наши магазины!»

— Это как понимать? — нарушил тишину Раксин.

— Очень просто. Тебе, Иван, и вам, товарищи, придется надеть халаты и встать за прилавки.

Заметив потухшие глаза на недовольных и обескураженных лицах, Пантелеев добавил:

— Мы бы дали вам дело по сердцу, но поймите, ребята, сейчас сердце не в счет. Мы посылаем вас не рубли считать, а проводить политику партии. Прилавок — это своеобразная трибуна, и выступать с нее могут только люди с чистыми руками, то есть вы, комсомольцы.

— Ясно, агитировать незачем. Распределяйте кого куда — и точка, — прервал секретаря неугомонный Яша Караваев и подмигнул Раксину. Тот кивнул другу в ответ и спросил:

— Когда выходить на работу? Завтра? Ну вот и договорились!

Утром следующего дня комсомольцы принялись за новое для них дело. Августа Басманова встала за прилавок в бакалейном отделении, Раксин — в рыбном, я — в хозяйственном, Яша Караваев — на складе…

Раксин шутил потом:

— У меня самый ходовой товар. Мужик без рыбы, как рыба без воды.

К тому же в его отделении была, что называется, всякая всячина, далекая от гастрономии, вроде топоров, вожжей, дегтя, без которых не обойтись в хозяйстве. Покупатели с утра толпились возле Раксина. Одни скупо приценивались, другие ради любопытства разглядывали товар, сравнивая его с вещами

дореволюционной выделки, а третьи приходили все разом охать.

Но каждый задерживался возле молодого продавца, чтобы послушать его неторопливую, рассудительную речь о хлебе, политике и налогах. Иван умел нащупать в недоверчивой мужицкой душе нужные струны и превращал любой разговор в приятную беседу давно знакомых людей, А бывало, и спорили — горячо, до хрипоты.

Приходит однажды этакий невзрачный, с жиденькой бородкой мужичок, взгляд хитрющий и язык работает, как хорошо смазанный пулемет.

— Ты, ясный сокол, — обратился он к Раксину, — болтать горазд. Так вот скажи мне, темному лаптю, чей это кооператив: мужицкий, наш?

— Конечно, ваш, — согласился Иван, не замечая подвоха.

— Значит, и мой, — снова пробасил тот.

И когда Раксин утвердительно и радушно кивнул покупателю, он, зыркнув колючими глазами по сторонам, неожиданно громко попросил:

— Дай-ка мне в долг фунтиков десяток рыбы.

— Нет, в долг мы здесь не отпускаем.

— Как же так получается: ты же сказал, что магазея наша, мужицкая, а мужику, выходит, не веришь! А почему Исай Абрамович верит? У него хоть пудами бери под честное слово.

Раксин не растерялся. Подобных краснобаев он встречал не раз в деревнях, и, выждав, когда у прилавка смолк гул голосов, спокойно сказал:

— У тебя хватит совести у нищего котомку отнять? Молчишь? Выходит, не хватит? Так вот, страна наша пока нищая. Она копит деньги для больших дел, а когда их копят, то по долгам не дают. Знаешь сам пословицу: «Сено не в стогу — не сено, деньги в долгах — не деньги».

Мужики, довольные ловким ответом, засмеялись, а Раксин продолжал:

— А Исай Абрамович дает в долг не по простоте сердечной, не из-за любви к нашему брату. Сунь-ка ему палец в рот — руку откусит, если в той руке грош окажется. Он без мыла куда угодно влезет, лишь бы выманить себе в мошну червонец. Ему торопиться некуда: ни пахать, ни строить он не собирается; вот и ждет. А мы без заигрывания торгуем, по-мужицки: баш на баш и по рукам. Ты нам дай мяса, масла, яиц; мы — тебе на портки, бабе — на сарафан, сыну — штиблеты. Плохо, что ли?

Обескураженный говорун почесал затылок и под смех собравшихся согласился с Иваном.

С приходом комсомольцев в магазины товаров на полках не

прибавилось, но порядка стало больше.

Горячее желание продать скорее, культурнее рождало столько инициативы, что даже старые продавцы удивлялись нашей выдумке и находчивости. Комсомольцы рекламировали товары перед кинокартиной, в клубе, оповещали о них дальние хутора и села; и все-таки наш главный противник — нэпман Флигель не унимался и ловко выворачивался из трудных положений.

— В чем дело? — гадали мы на первых порах, но вскоре раскусили орешек, и нэпманская лавочка вылетела в трубу.

Случилось это так.

Был канун масленой недели. В магазине только и спрос — на рыбу, потому что масленица без рыбного пирога, как свадьба без гармони. Кто-то пустил слух, что завтра к Флигелю рыбу привезут, что сам Исай Абрамович за ней отправился. Уж он-то знал — «улов» будет богатый и старался изо всех сил. А наши завмаги словно воды в рот набрали: молчат или отнекиваются. Мол, наше дело казенное; что дадут, тем и торгуем.

Раксин увидел вечером Яшу Караваева и узнал от него, что рыба-то есть, но она на станции Верещагино на складе, и заведующий магазином отказался ее вывозить до хорошей погоды.

А погода и впрямь была такая, что добрый хозяин собаку на улицу не выпустит: ветер, слякотный снег, пурга — в общем, ни пешему, ни конному ходу нет.

Раксин с Караваевым решили ехать на станцию. Не знаю, как они добрались, но слыхал, что сани чуть не на себе волокли, а рыбу все-таки привезли. Обогнали они Флигеля.

С этого и началось. Когда в райкоме разбирали докладные комсомольцев, то узнали про многие темные махинации нэпмана с нашими «учителями» — старыми кооператорами, которые прошли выучку еще при купцах и переучиваться не захотели. Оказывается, они нарочно задерживали товар, уступая первенство Флигелю, по договоренности с ним набавляли цену и толкали покупателя к нэпману. Тот в долгу не оставался и не скупился на взятки. Ну, жуликам дали крепко по рукам, и торговля пошла еще лучше.

Комсомольцы прочно и надолго встали за прилавки, но Раксину было тесно в белом халате. Его большие, сильные руки рвались к делу потрудней. Прилавок для Ивана был взятым, но не последним рубежом.

Зрелость

Зрелость определяется не метрической справкой, не документом об образовании. Она становится ощутимой и видимой в поступках и мыслях человека, который, сам того не замечая, незаметно перешагнул черту, отделяющую от детства.

И чем стремительнее полет времени, чем полнее оно событиями, тем быстрее мужают люди — таков закон жизни.

Лето 1928 года Раксин провел в дальних сельсоветах района. Вместе с дядей Сергеем Васильевичем Раксиным и другими связистами он налаживал телефонную связь районного центра с глухими деревеньками, прозванными медвежьими углами.

Отделенные от Сивы десятками верст непроезжих даже летом дорог, медвежьи углы жили своей, почти ничем не нарушаемой жизнью. Новости сюда доходили с превеликими опозданиями; и все, что делается на земле, казалось, обходило эти места стороной. Пьяные престольные праздники сменялись тоскливыми вечерами; по утрам одиноко звенели косы, и хозяйки скупо подсчитывали хлеб, растягивая запас до новины. По-прежнему крепко стояли избы кулаков под железными красными крышами. Сытыми, жирными клопами расползлись по округе эти избы; и в каждой бродила, как самогонная барда, злоба на новую власть.

Власть пока не могла обуть бедняка в сапоги и одеть в ситец, она не дралась в открытую с кулаками; но большевики с упорством и терпением разгибали крестьянские спины, бередили души мечтами о счастье, раскрывали глаза и давали права хозяйствовать без оглядки на деревенских богатеев.

И хотя со стороны все казалось прежним и неизменным, но смелее и напористее делались вчерашние бессловесные мужики. И стена отчуждения, не видимая глазу, вырастала в деревнях, отделяя мироеда от бедняка.

Встречаясь с людьми, Иван постепенно понимал остроту начинающейся борьбы, о которой говорили на занятиях политкружка.

Он не всегда еще мог определить подлинное лицо человека, но узнал, что есть люди с распахнутой настежь душой, которые всю жизнь шагают прямиком и не надоедают жалобами, а другие напоминают двуликих базарных матрешек: посмотришь спереди — улыбается, повернешь — злая гримаса.

Он разговаривал со степенными хуторянами и чувствовал, что днем они говорят одним языком, а ночью — другим.

Иван встречал богобоязненных, смирёных на вид мужиков, а потом узнавал, что они пудами гноят хлеб и жгут избы сельских

активистов.

Раксин не был облечен полномочиями райкома, но комсомольский билет являлся мандатом большой силы, и мужики видели в парне представителя власти. К нему приходили мужики потолковать насчет политики, любопытные девчонки тормошили вопросами, и женщины интересовались воем, что творится на свете.

И Раксин впервые ощутил силу знаний, полученных в школе политграмоты.

Как-то к костру, где устроились на ночлег связисты, подошел прихрамывая невысокий сухощавый заросший бородой крестьянин. Вместо ноги из штанины торчала деревяшка, а за спиной висел пустой мешок. Вылинявшая гимнастерка и буденовский шлем выдавали в нем солдата.

Привычным движением руки он сбросил мешок и, не ожидая приглашения, сел.

Познакомились, разговорились. Инвалид понравился Ивану немногословностью и пытливостью, за которой скрывалась тревожная озабоченность.

Помешивая палкой угольки, он, ни к кому не обращаясь, размышлял:

— Ясности нет. Спихнули царя с мужицкого горба — хорошо. А все равно душит кто-то. А кто? Земля! У меня ее семь десятин — и одна нога. Не посеять — жалко, а как ее засеять? Чем, если во дворе кляча да соха? За что ни возьмись, того нет. Приходится шапку снимать опять перед кулаком. Он, может, сволочь, в меня стрелял во время войны. А!? Морду бы ему разбить, собаке, да нельзя — закон не дает. Да, закон!

Он зло сплюнул, закурил и рассерженно пробасил:

— Я на нашу власть шибко надеюсь. Должно быть крестьянину облегчение. Должно! Иначе хоть в гроб ложись на своем поле. Вот ты будешь в райкоме и передай там, что буденовец Соснин не хочет быть рабом у земли и ждет перемены к лучшему. Ждет, понял? И не один!

Инвалид поднялся и, не прощаясь, заковылял к дороге. Иван вспомнил этот ночной разговор, когда спустя неделю случайно заехал напоить лошадь на придорожный хутор.

Низкая, покосившаяся изба-пятистенка с раскосыми глазницами окон казалась неживой; и только тропинка, ведущая к крыльцу, указывала на присутствие людей.

Побуревшие стропила непокрытой конюшни, полусгнившая изгородь в высокой крапиве, которая затянула двор и пробралась на крышу, чурбаки вместо ступенек — на всем лежала печать заброшенности, нищеты и одиночества.

Навстречу вышла женщина. Ее усталое, морщинистое лицо не выражало ни удивления, ни любопытства. Плотно сжав губы, она смотрела из-под насупленных бровей равнодушно и отчужденно.

Раксин спрыгнул с лошади и, поправляя уздечку, спросил:

— А где хозяин?

— Вон там! — она кивнула в сторону лесной опушки. — Пойдем, покажу.

Подчиняясь непонятной силе, зазвучавшей в голосе женщины, Иван пошел следом за ней.

Они остановились возле свежеструганого креста, на котором темнели даты рождения, смерти и черточка между ними, вместившая целую жизнь никому неизвестного крестьянина Лихачева.

— Дожил он до счастливой поры, да, видно, не судьба ему хозяйствовать на своей земле. От радости готов был ночевать в борозде. Надорвался один-то, горемычный. Вот и велел схоронить тут, чтобы земля своя была на виду, значит.

Женщина сорвала несколько ромашек и положила на перекладину креста.

Раксин, подавленный чужим горем, смотрел на могильный холмик; и воспоминания прошлого вновь нахлынули с такой силой, как будто вчера он похоронил отца. Так же стояла тогда у креста сразу постаревшая мать, не зная, что делать с землей, как жить дальше.

Не отрывая глаз от ромашек, Иван вдруг подумал: «Почему вокруг пестреют цветы и гнется порыжевшая трава?»

— Мамаша, ведь косить давно пора! — робко сказал Иван, нарушая гнетущее молчание.

— Знаю, сынок, знаю. Да недосуг мне у себя косить-то. Муж весной лошадей брал у соседа и обещал отработать на сенокосе, а уговор дороже денег. — Она вздохнула и добавила — Трое ребятишек моих убирают свое-то, а мне приходится чужое сено грести. Иначе этот ирод живьем съест. Он у нас лютый, Шарапов-то!

— Шарапов, говоришь? — переспросил Иван.

— Ну да. Вон на том хуторе живет.

— Ладно, ты отправляйся на свои луга, а я поговорю с ним, гадом, — зло проговорил Раксин и, не оглядываясь, побежал к коню.

На шараповский хутор он влетел, перепугав кур и овец, толпившихся в тени тополей.

Шарапов в длинной ситцевой косоворотке, выпущенной поверх суконных шаровар, спустился на одну ступеньку крыльца и, подбоченившись, сказал:

— С чем бог принес?

Раксин с трудом сдерживал злобу и желание разбить в кровь лоснящееся, розовое лицо хозяина. Он медленно приближался к нему и глухо выдавил:

— Ты вдову Лихачеву не обижай. Понял? Иначе я тебя…

Раксин, не договорив, стукнул кулаком по перилам крыльца так, что толстая доска переломилась пополам. Побледневший от страха Шарапов опустился на крыльцо.

Иван вернулся домой, полный впечатлений и раздумий.

В глубине сердца все беспокойнее билась тревога за судьбу Сосниных, Лихачевых — всех этих крестьян, в одиночку бившихся с нуждой на своих полосках.

Иван замечал эту же тревогу в коротких разговорах и пламенных речах коммунистов, он читал ее на лицах людей и на страницах газет.

И когда до Сивы докатились первые вести о коллективизации, Иван понял, что это и есть то главное, которого ждет он вместе со всеми. За эту выстраданную, понятую каждой клеточкой души идею Раксин готов был драться до конца.

На переднем крае

Если взглянуть на Сивинский район с высоты птичьего полета, то нетрудно заметить множество линий-границ, перечеркнувших поля и леса — это следы 1887 года.

К тому времени окончательно рухнули былое величие и слава последних отпрысков старинного боярского рода Всеволожских. Вконец промотавшийся помещик, хозяин сивинских пашен, недр, вод и лесов, был объявлен несостоятельным должником. Крестьянский поземельный банк скупил помещичьи угодья. Землемеры разбили земли на мелкие клеточки — отруба; и границы скудных наделов, словно густая паутина, опутали восемь волостей.

В 1898 году сюда устремился поток переселенцев с Украины, из Прибалтики и Белоруссии, из Псковской, Орловской и других губерний.

Были среди новоселов мужики с золотишком про запас, но больше — голь перекатная, для которой чужая сторона обернулась мачехой.

Как грибы после дождя, росли хутора.

Около двух тысяч угодий жили по-разному. Рядом с матерыми домами ютились хатенки без полов, с богатством соседствовала ужасная нищета. Одни глубоко пустили корни на благодатной земле; другие похоронили в ней вместе с мечтой о счастье — родных, близких людей.

Отделенные друг от друга разными языками, верой, обычаями и таежными лесами, бедняки в одиночестве бились с нуждой и тешили себя надеждой на счастливый случай.

Революция свежим ветром опахнула эти места, вселила уверенность в людей и дала право на землю. Но этого было еще мало. И Советская власть готовилась и копила силы для новой революции — коллективизации.

Осенью 1929 года не было линий фронта, но, как в дни Октября, телеграфные провода несли в московский Кремль гордые вести-сводки о быстрорастущем числе колхозов. Так же втыкались на картах красные флажки — условные значки побед, так же отправлялись в деревни коммунисты и комсомольцы. Там было их место, потому что там был наиболее частый огонь, там пролег передний край борьбы с кулачеством и со звериной моралью старого мира.

Раксина с десятью комсомольцами направили в Сатинский и Тюменский сельсоветы. Из 505 крупных кулацких хозяйств в районе значительная часть приходилась на эти места.

И не удивительно, что здесь агитировать за колхозы, организовывать их было трудно.

Бедняки-хуторяне с радостью соглашались на обобществление земли, но их было меньше, чем хозяев средней руки, которые колебались и с тоской поглядывали на свои пашни, политые потом и слезами. А тут еще и кулацкая агитация в уши. Никак не решится середняк, ждет твердого слова, ждет примера.

Сергей Басманов, инструктор райкома партии и старший над комсомольцами, напутствуя Раксина, говорил:

— Ты, самое главное, не тяни силком мужика. Ты сумей доказать ему, что иного выхода нет: или колхоз, или голодная смерть. Мужик поймет. Ему красивых слов не надо. А все остальное — как на фронте: смотри в оба, действуй решительно и поддерживай со мной связь.

Из избы в избу, с хутора на хутор перебирался Иван. Как свой человек, заводил разговоры об озимых и кормах, о ценах на хлеб, угощал настоящей махоркой, хотя сам и не курил, и незаметно переводил речь на колхозы.

О колхозах здесь слышали разное, и, стремясь все выведать и разузнать до мельчайших подробностей, мужики засыпали вопросами, подчас наивными до глупости или, наоборот, неожиданными, спорными, явно кем-то подсказанными, чтобы сбить с толку, запутать и внести сумятицу.

— Землю нам отдали? Отдали! — рассуждал хозяин дома, в котором остановился Иван по пути в Сатино. — А раз так, значит, что я хочу, то и делаю, потому как она моя. Надо же пожить мне вольготно. На власть я не в обиде, налог сдаю справно, и выходит, что колхоз мне вроде бы ни к чему!

— Ну да, ага, — соглашался Иван и, дождавшись, когда красноречие собеседника иссякло, спокойно и медлительно, в тон хозяину, продолжил: — В общем, моя хата с краю, и я ничего не знаю. Советскую власть пусть душит кулак, бедняки пусть идут по миру, а случится неурожайный год — и я возьму суму. Так выходит?

Тот молчал. Раксин, перехватывая инициативу, громко и взволнованно спросил:

— Ты не хочешь жить лучше? Ты настоящего счастья не хочешь? Нет, не верю!

— Видишь, сынок, — неведомо пока, счастье ли сулишь?

— Правильно. Во мне ты сомневаешься, а Ленину поверишь?

— Ха-ха-ха, — засмеялся хозяин. — Ему коль не верить, так кому тогда еще? Вот тоже спросил!

— Слушай тогда, что он говорил.

Иван достал смятую тетрадку, где были записаны самые

важные цифры и цитаты, услышанные на инструктаже в райкоме, нашел среди них фразу, обведенную красным карандашом, и медленно прочитал:

«Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель».

— И еще Ленин говорит: «Вы… все знаете из всей деятельности Советской власти, какое громадное значение придаем мы коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому превращению мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное».

— Понял, — коротко бросил хуторянин и добавил — В общем, на собрании ты на меня надейся…

Но не всегда было так.

На одном из хуторов, заслышав о приходе уполномоченного, собрались соседи-крестьяне. Среди них Раксин заметил братьев-кулаков Зубовых и еще нескольких, таких же, как они, мрачных, насупленных мужиков, по лицам которых легко было догадаться, о чем они думают, с какой целью пришли.

Иван не ошибся. Едва он заговорил о колхозах, как из угла бабий голос с издевкой спросил:

— А правда, голубь, что мужики и бабы общие будут? Я бы своего хрыча променяла, да и вдовушкам бы полегче стало.

Не успел стихнуть хохот, как снова вопрос:

— Вам за обман с головы платят или поденно?

Разъяренный Петр Зубов, вскочив со скамейки, злой скороговоркой закричал:

— Своих портков нажить не сумели, так до чужих добираетесь! Не выйдет!

Раксин невольно посмотрел на свои заплатанные, выцветшие штаны, спрятанные в развалившиеся сапоги, и смутился. Но только на мгновенье.

Как в драке, он вдруг почувствовал, что злость, накопленная годами, вот-вот вырвется наружу. И чтобы не натворить беды, Иван встал, одернул гимнастерку, проглотил комок, подступивший к горлу, и шатнул к Зубову:

— Ты своим горбом нажил богатство? Это ведь, наверно, твои должники сидят. Молчишь? А сколько ты хлеба сгноил, сколько крови и пота высосал, гад! Молчишь? То-то. Тебе, конечно, колхоз, что нож острый.

Зубов сверлил Раксина ненавидящим взором и неожиданно возразил:

— Мы тоже за колхозы. Безлошадные и прочие пусть идут в

свои артели; а мы, справные мужики, — в свои. Вот и порядочек будет. Тихо и мирно, так сказать.

— Нет, Зубов, по-твоему не будет! Мы вас, как сорную траву, выкинем вон! Понял?

— Руки можешь обжечь, щенок, — процедил Зубов, и сразу в избе погасла лампа, ловко задутая за спиной Раксина. Стало темно, как в печной трубе, и тихо. Слышно было — тяжело дышат люди.

Иван весь сжался, приготовившись к беде. Ногти до боли врезались в ладони, в горле пересохло, и сердце отчаянно заколотилось, словно он забрался на крутую гору.

Прошла минута, другая, третья.

Зубов хихикнул:

— Напугался, голубь?!

— Нет! Не на того напали.

Угадывая в темноте дверь, Иван вышел.

В небе висели крупные звезды, поблескивая, как светляки, зеленоватым светом.

На дороге его догнали трое крестьян.

— Ты нас, парень, с ними не равняй, — добродушно и извиняюще сказал один, — только нам, видишь, жить охота. Ты тут поговорил — и домой, а нам оставаться. Они ведь, изверги, на всякую пакость способны. Вот оно как!..

— Ничего, — подобрел Иван, — мы их скоро под корень свалим. Скоро!..

Накануне раскулачивания Басманов провел общее собрание. Оно шумело почти сутки. Тут всплыли давнишние обиды и печали. Без оглядки и робости крестьяне-середняки голосовали за выселение с хуторов крупных, матерых кулаков. И когда Раксин направился раскулачивать первое по списку хозяйство, у него нашлись десятки помощников. Словно вешний поток, ломала коллективизация вековой лед старых представлений, обычаев, нравов. 108 колхозов, организованных в районе, быстро росли, крепли, набирали силу.

Осень и зима пролетели в беспрерывной тревожной и опасной работе. Раксина, снискавшего любовь и уважение крестьян, люто ненавидели кулаки. Не раз он слышал угрозы и видел, как злобно наливаются кровью кулацкие глаза, встретившись с его открытым взглядом.

Весной 1930 года Иван Раксин был единодушно избран членом бюро Сивинского райкома ВЛКСМ; это было признанием его зрелости, твердости и преданности.

Трудный экзамен

Осеннее непроглядное небо придавило домики. Пустынные переулки казались еще глуше, а избы — ниже и черней. Только багряно-красные рябины молодо раскачивались и, словно всполохи огня, горели гроздья ягод над заборами. Березы мотались и неприятно скрипели, толкая друг друга ветвями.

Иван прислонился к шершавым бревнам покосившейся конюшни, и бродяга-ветер сразу прилепил к щеке сентябрьскую отметину — оранжевый скрюченный березовый листок. Лицо Раксина светилось радостью, которая, заполнив сердце, пробилась наружу едва заметной улыбкой, гордо взметнула брови и окрасила глаза в особый, непередаваемый цвет.

Еще бы не гордиться, не волноваться! Вчера на бюро райкома его назначили ответственным за строительство электростанции.

Секретарь райкома партии Деньгин, обещая помощь и поддержку, шутливо сказал:

— Теперь ты, как бог, должен дать Сиве свет!

Иван понял, что на него надеются, ему доверяют и одновременно экзаменуют на умение руководить самостоятельно, нести ответственность и не сгибаться перед трудностями.

— Если бы намечалось легкое дело, — тогда же добавил Деньгин, — мы бы послали другого.

А дело и впрямь было таким, что и бывалому строителю испугаться не грех. Все надо возводить заново, не имея под рукой ни гвоздя, ни доски, ни метра провода. Только решение бюро в кармане, топор за поясом да холодный сарай за спиной. Но этот сарай, где давным давно была помещичья конюшня, должен стать электростанцией. Так решили — значит, так и будет.

— Так будет, — шепчет Раксин. — Будет!

Он закрыл глаза и невольно вздрогнул от прикосновенья чьей-то руки.

— Спишь, что ли?. — грубовато спросил Павел Шилоносов, втыкая лопату в пружинистую и водянистую, как губка, землю.

— Что ты! Вот думаю, с чего начать.

— Я тоже всю ночь кумекал, аж башка трещит. Слышишь, как потрескивает? — и Павел засмеялся.

Вскоре подошли Караваев и Дудин. В сарае нашлись доски, и строители смастерили в углу скамейку, похожую на топчан. Сели.

— Собрание работников электростанции объявляю открытым. Прошу занять места в президиуме, — торжественно произнес Караваев и вытолкнул Раксина.

— Собрание не собрание, — подавив смех, сказал Иван, — а

план утверждать надо.

Он достал листок бумаги, на котором жирным химическим карандашом были проведены неровные линии чертежа.

— Вот тут, — Раксин указал пальцем на затушеванный квадрат, — мы поставим локомобиль. Привезем его с Тамаровской мельницы. А здесь, — палец передвинулся вправо, — разместится управление станцией. Сегодня 20 сентября. К празднику Октября, то есть через полтора месяца, станция должна дать ток. А иначе… — Иван передохнул, — нельзя нам иначе.

Помолчали, оглядывая друг друга, и, как по команде, поднялись.

Ограничив колышками место для фундамента, Раксин сбросил телогрейку, поплевал на руки и вонзил лопату в раскисшую землю. Разом чмокнули еще три лопаты.

С ожесточением, не разгибаясь, парни отбрасывали перепревшие, червивые пласты. Под ногами булькало, хлюпало, и темная жижа оползала обратно; но строители, как кроты, закапывались глубже и глубже. Вспотевшие, раскрасневшиеся, они забыли о времени и с удовольствием подставляли ветру разгоряченные тела.

К вечеру котлован был вырыт.

И пошла веселая, кипучая, жаркая работа. За неделю сарай превратился в цех: комсомольцы отремонтировали крышу, потолок, полы, навесили двери, уложили фундамент. И оказалось, что все специальности, приобретенные Иваном в детстве, пригодились, как никогда. Он умело орудовал и топором, и мастерком, и зубилом, успевая обучать Караваева и Дудина.

А вскоре с Тамаровской мельницы привезли локомобиль. Шесть верст тащили его по непролазной грязи; и когда полуржавая махина опустилась на фундамент, Раксин боязливо оглянулся, словно спрашивая, что делать с этой кучей металлолома.

Караваев отошел, уныло, огорченно кивая головой. В его невеселых глазах светилась досада и недоумение. Шилоносов недоверчиво толкнул ногой дверку топки, но она не закрылась.

— Да-а, — протянул он.

Поборов недоумение и растерянность, Раскин похлопал друга по плечу:

— Ничего, Павел, машину воскресим. Ты же механик. Вот и разберись!

Тут же договорились: днем налаживать столбовое хозяйство, вечером — локомобиль.

— Правильно, — согласился молчаливый Дудин, — а то в

селе ни столбов, ни лампочек. С машиной-то все едино управимся!

С утра Раксин заносил на бумажку примерные сроки, черкал их, раздумывал, рассчитывал, вслух вспоминал возможные препятствия и, решившись, записывал новые сроки.

Он отодвигал их осторожно, надеясь, что удастся кое-где поднажать, поторопить, а главное — верил в своих орлов-помощников.

— Эх, если бы наши снабженцы-кооператоры работали так же, — говорил он простуженным хрипловатым голосом. — А то ведь подведут, как пить дать подведут!

Иван без стеснения ругал их ежечасно, потому что ежечасно к нему обращались друзья, требуя шнур, болты, патроны для ламп, ключи нужных размеров и разную мелочь, из-за которой возникали простои.

И Раксину приходилось непрестанно что-нибудь выдумывать, изобретать, комбинировать. А если сил не хватало, он уходил в село.

Подпоясанный широким брезентовым поясом, за которым торчали плоскогубцы, обрезки медной проволоки я рукавицы, Раксин появлялся то в райкоме комсомола, то в конторе кооперации, то в правлении колхоза или в исполкоме. Он требовал, уговаривал, советовался, просил.

Его не смущали отказы и вежливое бюрократическое «зайдите завтра». Иван приходил завтра, поражая упрямством и угрюмой настойчивостью, добивался, чтобы ему отпустили лишнюю сотню лампочек, гвоздей, дали вне очереди лошадей или послали на подмогу людей.

Эти постоянные обходы отнимали уйму времени; и Раксин, освободившись от конторской канители и бумаг, с удовольствием брался за видимое глазу дело — установку столбов и устройство электролиний.

Лоснящиеся, осклизлые столбы подымали втроем. Раксин наваливался всем телом на опорный ухват и один делал завершающие шаги, направляя намокшее бревно в яму.

Случалось так, что столб, скользнув по глинистой стенке, валился в сторону. Не дожидаясь, пока ветер совсем свалит его, на помощь комсомольцам спешили нужные и лишние, свои и посторонние, но одинаково деловитые люди.

Раксин с друзьями совершил подлинное чудо — за месяц они установили более трехсот электроточек. Две сотни столбов, как вехи новой жизни, забелели на сельских улицах.

Оставалось протянуть провода и оживить локомобиль.

Тяжелое ржавое колесо маховика со скрежетом подвигалось

на миллиметр-другой. Иван, повиснув на нем, командовал:

— Тяните меня!

Друзья наваливались, и маховик, глухо урча, делал полоборота. Такая процедура повторялась по нескольку раз.

Мокрый, грязный, измученный, Раксин ложился на топчан, отворачивался к стенке, а через полчаса снова брался за проклятый маховик.

И все-таки колесо повернули, и поршни локомобиля сделали первые движения.

Ночи напролет, в кровь стирая ладони, Раксин и Шилоносов начищали до блеска цилиндры, вентили, трубы. Неудобно согнувшись, свесив утомленные ноги, Раксин под утро засыпал на узких дощечках, брошенных на фундамент. Даже и во сне его не покидали мысли о работе. Столбы превращались в спицы гигантского работающего маховика, осью которого была его голова. Иван вскакивал, недоумевающе протирал глаза и перебирался к другу. В обнимку с Павлом он коротал остаток ночи, а утром все начиналось сначала — столбы, провода, дождь, стужа.

Холод, казалось, пробирался в кровь, остужал ее, растекался по организму.

Иван, хлопая на морозе руками, как крыльями, кричал с высоты:

— Павел! Тащи катушку дальше. Я тут заканчиваю.

…И вот наступил день пуска. Никто не знал, что комсомольцы раньше срока дадут ток и таким образом преподнесут односельчанам действительно праздничный сюрприз.

Высился в середине станции котел локомобиля. Поблескивали под потолком лампочки. Они пока не светились, но ждать оставалось недолго.

Дудин поджег в топке припасенную заранее лучину и березовые дрова. Робко вздрогнула стрелка манометра и поползла вправо.

Пар поднимался над локомобилем и рассеивался по цеху, еще больше сгущая полумрак, в котором то и дело мелькала долговязая фигура Шилоносова.

Павел отличался энергией, покладистым характером и унаследованным от отца умением делать все быстро и надежно. Он радовался, что наконец-то может показать свое знание техники и мастерство, что ему по плечу не только крохотная кинопередвижка, с которой он исколесил район, но и большущая громадина старинного локомобиля с загадочной нерусской маркой.

Павел радовался и одновременно боялся. А вдруг машина откажет, вдруг он сделал что-нибудь не так, и лампочки в селе не вспыхнут? Тогда позор!

Стараясь не думать об этом, Шилоносов беспрестанно шмыгал из кочегарки в конторку, где на щите поблескивали медью рубильники, трогал давно закрепленные болты, вентили. А может, где забыли закрепить, а может, слабо закрепили? Он в сотый раз проверил выключатели, предохранители, прощупал изоляцию и, поймав настороженный взгляд Раксина, опустил лохматую белокурую голову и откровенно признался:

— Боязно мне, Иван.

— И мне, Пашка, страшновато. Дело-то, вишь, какое незнакомое. Но не дрожать же. Смотри, у тебя какая заячья рожа!

— На себя сначала взгляни, — беззлобно огрызнулся Павел, и рука его опять потянулась к рубильнику.

— Не терпится, — улыбнулся Иван.

— Ну да. А тут, как на зло, не темнеет, — проворчал Шилоносов и взглянул на часы-ходики, по-домашнему тикающие над столом…

Наконец солнце зашло, и грязновато-серые сумерки нехотя начали окутывать выцветшую неприветливую землю. На улицах пусто, тихо. Живой только ветер. Он бьется в черные, как пещерные входы, окна, треплет дранку на крышах и гонит по пруду свинцовые волны.

Иван, Павел и Яков вышли за ограду. Село угадывалось в темноте одиноко мерцающими коптилками да собачьим лаем.

От сознания исполненного долга радостно стучали сердца друзей. Они молчали, боясь сказать что-нибудь обыденное, не отвечающее моменту и тем нарушить торжественную тишину, которая сейчас заменила громкие слова и похвалу.

— Включай, Паша! — шепнул Иван.

Шилоносов и Караваев бросились к щиту. Прошло несколько мгновений, и вдруг сотни огней разом вспыхнули и стали лукаво перемигиваться. Ночь отступила. Улицы, недавно пустынные и глухие, словно расширились и ожили.

Люди подходили к столбам и восхищались, запрокинув головы:

— Гляди-ка, и ветер не задувает. Вот это фонарь! Молодцы комсомольцы!

Свет в избах агитировал лучше книг и газет. На лампочку Ильича крестились старухи, как на христову свечу. Она осветила дальние уголки крестьянской души, рождая чувство уважения и доверия ко всему, что делают коммунисты.

И когда утром Раксин, усталый, пожелтевший, шел с

электростанции, все жители села вдруг оказались его хорошими знакомыми. Старики подавали руку, как ровне, и снимали картузы, а женщины с уважением раскланивались, называя не иначе, как «товарищ Раксин».

Иван, не скрывая радости, влетел в кабинет секретаря райкома партии и в дверях громко, отчетливо проговорил:

— Электростанция работает!

— Видел, Ваня, видел, — улыбнулся Деньгин. — Экзамен, можно сказать, ты выдержал на «отлично»! Спасибо! От Советской власти спасибо!

Может быть, Раксин навсегда остался бы на полюбившейся ему работе, но комсомол направил его в колхоз, укреплять артель. Партия учила молодежь хозяйствовать на земле, и Раксин сделал еще один шаг, поднявшись на высокий пост председателя колхоза.

Высокий пост

Весна свалилась на землю снопами горячих солнечных лучей, теплым ветром дохнула на поля и перелески, с гулом и треском посрывала лед с речушек и вкрапила в серые поляны белые пятнышки подснежников.

Раньше обычного застучали в кузницах молотки, запели над Сивой тальянки.

Сдвинув буденовку на затылок, Раксин неторопливо объезжал колхозные поля. В воздухе поднимался голубоватый, прозрачный пар, пропитанный ароматами размякшей земли, и легкой дымкой окутывал стволы деревьев.

Иван часто останавливал норовистую лошадь, разминал в ладони рыхлые черно-бурые комки влажной земли, вдыхал ее прелый запах, и сердце его взволнованно гнало кровь по телу.

Это была не тревога человека, идущего навстречу трудному испытанию, а приятное волнение перед началом весенней страды, за исход которой он в ответе перед колхозниками и перед собственной совестью.

Ивану хорошо запомнился ноябрьский холодный вечер 1930 года, когда колхозники решали, кому быть председателем артели.

Чей-то звонкий голос крикнул:

— Раксина!

— Раксина председателем! — зашумело собрание.

Других кандидатов не выдвигали. Он вышел тогда к столу президиума и, вместо приготовленной благодарности за доверие и высокую честь, тихо сказал:

— Если гожусь, буду работать!

Испытующе, настороженно смотрели на него старики, век свой отдавшие сохе, словно прикидывали силу его рук и крепость ума. «Справишься ли, сынок?» — этот вопрос Раксин прочитал в мужицких лукаво прищуренных глазах и на улыбчивых женских лицах.

— Землю я нашу люблю и не осрамлюсь перед вами. Честное комсомольское! — добавил Иван и вернулся на свое место.

И Раксину поверили. Натруженные, землистые, морщинистые руки проголосовали за него.

Пришел он на собрание Иваном Раксиным, а вышел Иваном Ильичом, руководителем артели «Красный пахарь». И не какой-нибудь хилой и маломощной, а самой большой в Сивинском районе.

С тех пор стали казаться ему дни слишком короткими, а ночи длинными. Всюду надо успеть, а самое главное — не ошибиться.

Тут молодость в счет не идет.

Всегда готовый на смелые и энергичные действия, горячий в желаниях и поступках, он с трудом осваивал новый для него ритм, в котором осторожность и расчет ценились дороже порывистости и поспешности.

Крестьянская сметка и хозяйственность не разбавили бродящего в крови беспокойства, оно превратилось в упорство и деловитость. Это ставило его на голову выше осмотрительных до трусости мужиков и решительных до безрассудства ровесников.

Вот и маячит Иван на непросохших тропах, караулит землю, ждет ее спелости. Тревожные мысли о хлебе не дают покоя, они вцепились в сердце железными клещами, и некуда от них уйти.

Раксин знает, что зерна на посевную не хватит, и прикидывает, где его достать, достать, не медля ни одного дня. Земля, вчера еще липкая и вязкая, сегодня теплее и тверже. Значит, скоро пора сеять.

На темно-сиреневом небе погас закат. Первая одиноко мерцающая звездочка робко известила о начале ночи. В селе зажглись огоньки лампочек.

Раксин устало добрел до дома и опустился на низенькую скамейку, врытую под черемухами еще отцом.

Задумавшись, не заметил, как улицу перебежала Клава Теплоухова. Прижимаясь к тыну, чтобы не зачерпнуть воды в ботинки, она неслышно подошла к скамейке.

— Часом, не тоскуешь ли? — тихо спросила она и села рядом.

Радуясь случаю высказать свои опасения и надежды, Иван говорил девушке обо всем, что мучило его в эти дни.

Но Клава молчала, потом чему-то усмехнулась и спрятала руки под платок. Вздрогнув, она съежилась, и ее острые худенькие плечи поднялись, словно в ожидании удара.

Хрипловатым, не своим голосом, полным нескрываемой обиды, она сказала:

— Какой ты стал важный, Ваня, — и уже зло бросила: — Ждешь, когда на шее повиснут, что ли?

И заплакала, уткнувшись в председательское плечо. Знал он, что это рано или поздно произойдет, что придется говорить начистоту, прямо, без дипломатических недомолвок; знал и боялся, но обманывать не мог.

Осторожно, будто стараясь не расплескать переполнившее девушку чувство, Иван взял ее голову в свои ладони и поцеловал в лоб.

— Прости меня, Клава… — Он хотел сказать, что уже давно другая живет в сердце, но вышло не так.

Иван заговорил о трудностях, о том, что не время теперь

вздыхать под луной; и девушка, не потеряв надежды, успокоилась и взволнованно сказала:

— Может, я сумею помочь?

— Конечно. Как я не догадался! Знаешь, Клава, завтра я хочу начать внутриколхозный семенной заем. Принесешь два пуда зерна?

— Ой! А если тятя не даст?

— Ну вот! Ты же взрослая, — недовольно пробасил Раксин.

— Хорошо, принесу.

— И еще вот что, сейчас беги к нашей комсомолии и собери всех в правление. Скажи: экстренное дело, — уже не просил, а приказывал председатель.

Клава, не разбирая тропы, бросилась в темноту и, отбежав немного, спросила:

— А после заседания ты опять тут будешь?

Раксин не ответил.

До поздней ночи светился в правлении огонек лампы. Кто знает, может, до утра засиделись бы комсомольцы, но керосин кончился, и пришлось разойтись.

— Все надежды на вас, товарищи, — сказал на прощание Раксин. — Завтра мы должны еще раз показать свою силу.

По угрюмым, сосредоточенным лицам колхозников, собравшихся на следующий день в правлении, Иван понял, что каждый знает причину сбора и решает в эти минуты — чью сторону принять?

Не слышно было обычных шуток, и только девчонки шушукались в углу, изредка нарушая тягостную тишину негромким, боязливым хохотком.

Члены правления заняли места за столом, который в дни собраний покрывали красной ситцевой скатертью.

Раксин, стоявший сбоку, поднял руку, призывая к порядку.

— На днях мы начнем сев, — просто и спокойно начал он. — Осенью мы сделали запас зерна, но часть пришлось сдать государству и получить необходимый инвентарь: плуги, сеялки, веялки — это раз. Мы помогли соседям рассчитаться по ссудам — два. И, наконец, мы кормили всю зиму семьи единоличников, которые вступили в нашу артель. Короче говоря, зерна на посевную нам может не хватить.

Переждав, когда утихнет едва слышный, приглушенный ропот, Раксин продолжал:

— Кулаки того и ждут, чтобы мы провалились на севе. Помните, как они болтали, что нам, беднякам, не суметь разделить еду трем собакам, а не то что хозяйство вести. Так неужели они окажутся правы? Неужели мы не найдем зерна в

своих домашних закромах и сусеках? Я думаю, каждый даст взаймы артели пуд-другой, а потом с лихвой получит свое.

Он говорил волнуясь, нескладно, но горячо. Выношенные в сердце слова Иван будто выкладывал на ладонь и смело бросал их слушателям. От этих то гневных, то радостных и горделивых слов нельзя было увернуться; они требовали ответа, честного и прямого.

— Дай-ка мне сказать, — поднялась колхозница Балашова. — Я могу сдать в амбар два пуда овса.

— Хорошо тебе одной-то, а нам жрать нечего! — крикнули из угла.

Начался спор. Заговорили сразу все, перебивая друг друга, матюкаясь, упрекая.

В таких случаях всегда нужен пример, чтобы не словами, а делом доказать любовь к колхозу, свою ответственность за его судьбу.

Раксин протиснулся к двери и, очутившись на улице, бросился домой.

Мешки, наполненные зерном, с утра стояли под сараем; и он быстро уложил их на телегу, запряг лошадь и распахнул ворота.

Анна Егоровна, все еще не верившая, что сын оставит семью без хлеба, вышла в ограду и, прислонившись к столбу коновязи, молча заплакала.

— Ты, мама, не сердись! Так надо, понимаешь! — тихо сказал Иван и дернул вожжи.

Когда он появился с мешком на плече, в правлении замолкли. Иван поставил мешок возле стола, потом занес еще один.

— Вот это все, что было в нашем доме, — выдохнул председатель и утер тыльной стороной ладони пот на лбу.

Не успели раздаться возгласы удивления и одобрения, как к столу подошли Петр и Александр Никулины.

— Мы тоже привезли зерно. Принимайте, оно во дворе.

Следом за ними приняли зерно от других комсомольцев. Это было так неожиданно, что кто-то, не вытерпев, закричал:

— Айда за хлебом! Неужто мы хуже всех!

Семенной фонд пополнился с запасом, а через неделю колхоз начал посевную.

Нет большего праздника для хлебороба, чем праздник весны, когда вспахана первая борозда и брошены в нее первые зерна. Большие и светлые думы волнуют тогда пахаря, и не найти в деревне равнодушного человека. Старики торопятся в поле, чтобы помочь советом; дети бегут подержаться за соху или поводить лошадь по влажной, прелой земле.

Иван посмотрел по сторонам. Слева и справа от него

кавалерийской атакующей цепью выстроились пахари. У каждого отмерен участок, у каждого стремление — показать сноровку и мастерство.

— На-а-чи-най! — скомандовал Раксин.

Вороной мерин легко шагнул, и соха мягко разрезала пласт. Лениво переваливались жирные пласты, и черно-бурая полоска пашни росла и росла позади Раксина.

Намотав вожжи на рукоятку, Иван весь отдался работе. Теперь он видел только острие сохи и землю, которая беспрерывно вспухала, подымалась и переворачивалась, обнажая белесые, прошлогодние волоски корней.

Раксин наваливался на соху там, где поле уже подсохло, и почти нес ее на руках в низких, вязких местах.

Все шире и шире становилась вспаханная полоса, а когда сели полдничать, к председателю подошел Егор Сизов.

На его всегда хмуром лице Иван заметил улыбку и, видя, что Егору не терпится что-то высказать, пригласил сесть.

— Иван Ильич! — полушепотом сказал Сизов. — Ты бы потише гонял, а то старики совсем упарились. Им, вишь, в грязь лицом неудобно ударить, а силенки-то маловато. Вот они и злятся. Ты уж уважь их!

Раксин засмеялся и ответил:

— Ладно. Но уговор такой: пока участок свой не кончишь, нос к дому, не поворачивать. Идет?

Раньше срока отсеялся колхоз и вышел в число ударных артелей. Раксин как член бюро райкома бывал у соседей, контролировал, помогал.

Времени совсем не стало хватать, а работы в колхозе прибавилось. Начала поступать техника, развернулась стройка скотного двора, подоспел сенокос. Забот у председателя в страдную летнюю пору не перечесть.

Однажды Раксин допоздна засиделся в правлении. На огонек к нему заглянул Семен Осипович Механошин.

— У-у! Да ты, брат, сам на себя не похож. Краше в гроб кладут, — покачал он головой. — Этак тебя ненадолго хватит.

— Я двужильный, дядя Семен, — отшутился Иван.

— Да оно так. Но вот боюсь, что ты вроде слепнуть начинаешь… А может, и по неопытности не замечаешь кое-что?

Раксин насторожился. Он знал, что Механошин никогда не болтает попусту и обязательно подскажет что-нибудь дельное. Так случилось и на этот раз. Семен Осипович, попыхивая трубкой, заговорил тихо, будто — сам с собой:

— Был у нас в партизанском отряде командир Степка Вахрушев. Отчаянной души человек. Чуть что — он на коня и

«ура!». Никто его не видывал сзади. Налетали мы на беляков, что черти, и били крепко. И вот стало Степану казаться, что он один всему голова, что тактика у него самая революционная — вперед и никаких гвоздей. Идем мы как-то на деревеньку, занятую белыми. Разведка там наша и не бывала. Степан посмотрел в бинокль, выдернул шашку вон — и айда в лоб. Ну, те для видимости постреляли малость и отступили. А мы, как гончие за зайцем, торопимся за ними. Тут нас и подловили. Окружили со всех сторон и едва выпустили. А Степан погиб. Вот какие дела-то.

Механошин откашлялся.

— Вот я гляжу на тебя и думаю: чем-то ты больно смахиваешь на Степана.

— Непонятно ты говоришь, дядя Семен.

— А чего не понять-то?! Ты тоже берешь все с налету, в лоб. А тебе с председательского поста смотреть надо дальше, да и зорче. На будущий год в колхоз дадут еще больше техники, а кто будет работать? Кто у нас знает агрономию? Ну, скажи! Молчишь. Вот, получается, как у Степки, вперед, вперед, а что впереди — бог один ведает.

В его голосе услышал Иван и обиду, и страстное желание помочь ему увереннее руководить артелью.

О многом они переговорили, и председателю так и не удалось поспать. В голове рождались планы один грандиознее другого; и он с трудом отбрасывал несбыточные пока желания, отбирая только самое нужное.

А через неделю в колхозе открылись курсы. Девушки и парни, забыв про вечерки, изучали технику возделывания льна, системы севооборотов, разбирали схемы устройства трактора, который в глаза не видывали, с любопытством знакомились с анатомией животных и химическим составом удобрений.

Раксин вместе со всеми учился, а по утрам, дав указания бригадирам, уезжал на поля и покосы. Там были люди, там было его рабочее место.

Лицом к лицу

Погибая под кулаками и прикладами, помирать агитационно!.. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя — и в мозгах и в сердце, не жалей, что много растратишь энергии, — это ведь твоя последняя мобилизация! Умри хорошо…

Д. Фурманов

Урожай в тот год удался на славу. Золотом ржи пламенели увалы и угоры, росистые малиновые зори занимались над ними. Синие, в березах, дали изредка заволакивало редкой грядой мохнатых облаков. Медленно, как тяжелые мужицкие воза, тянулись они по небу, а снизу, из огородов, кивали им желтоволосые подсолнухи.

И чем тучнее наливались нивы, тем острее становилась кулацкая злоба.

Мрачнее осенней непогоди ползли по деревням слухи, а на дорогах щелкали выстрелы и падали от вражьих пуль сельские активисты.

Борьба с кулачеством в сентябре достигла высшего накала — начинался решительный бой с последним эксплуататорским классом.

По призыву райкома партии, как в годы гражданской войны, встали под ружье десятки коммунистов и комсомольцев.

Раксин, узнав о сборе добровольцев, поспешил домой. Он торопливо сбросил пальто и, не снимая сапог, на цыпочках прошел к столу.

— Есть очень важное дело, Наток! Собери-ка что-нибудь поесть, — попросил он сестру.

Та попробовала отговорить его:

— Какие могут быть у тебя дела? Ты теперь человек казенный. Через неделю в армию отправишься, вот и воюй там.

— Что ты, — возразил Иван, — разве я могу остаться! Как я посмотрю потом людям в глаза? Нет, нет, даже не заикайся.

Он наспех отхлебнул жирных щей и, собрав со стола ломти хлеба, сунул их в карман.

— Передай маме, что я скоро вернусь. Пусть не

тревожится, — на ходу крикнул Иван. Наталья увидела в окно, как он побежал по тропинке к центру села.

В просторной милицейской комнате негде было яблоку упасть. Ее заполнили тесно прижавшиеся друг к другу добровольцы. Иван знал почти всех — это были работники райкома и райисполкома, бывшие партизаны и солдаты, люди разных возрастов и профессий. Это была его большая семья, и Раксин почувствовал, как легко дышится в этой накуренной комнате рядом с товарищами.

Все сосредоточенно слушали начальника отдела ОГПУ Теплоухова.

Михаил Осипович, усталый, осунувшийся, насупив лохматые брови, говорил резко, отрывисто, стараясь скрыть горечь утрат и тревогу за судьбу людей, которым завтра придется лицом к лицу сойтись с жестоким врагом.

— Кулацкие бандиты, — продолжал начальник, — терроризируют колхозников и население в Сатинском и Тюменском сельсоветах. Из-за этого там срываются хлебозаготовки. Посланный в Сатино следователь Никитин был обстрелян дорогой. Бандиты пытались убить члена сельсовета Шмыкова. В деревне Топкая они открыли стрельбу по избе и ранили несколько человек. Главарь шайки Алексей Новиков объявил себя хозяином Сивинского района. Не бывать этому! — Теплоухов поднял свой жилистый коричневый кулак и опустил его на крышку стола.

Вопросов не было.

Командир группы Александр Александрович Караваев, заметив у дверей широкоплечую фигуру Раксина, протиснулся к нему:

— И ты здесь! А я слыхал, в артиллерию отправляешься. Коли так, значит, можно новобранцу и погулять перед отправкой, а мы по старой привычке повоюем.

— Не думал я, что и вы будете меня отговаривать, — недовольно ответил Иван. — Воевать и мы сумеем, если надо воевать сейчас же.

— Ладно, ладно, не сердись! Видишь, какой злой. Получай наган и давай в мою группу. Места, куда мы идем, ты знаешь, так что будет полный порядок, — и, озорно подмигнув, Караваев направился в кабинет начальника, чтобы окончательно уточнить боевую задачу.

В группе Караваева собрались старые друзья Раксина: Сергей Басманов, Яков Караваев, Старков, Архипов, Серин.

Народ подобрался бывалый, проверенный, настоящий. И потому им доверили самый опасный участок — Зубовские хутора,

чтобы там поодиночке выловить бандитов.

Кулаки братья Зубовы — Афанасий, Иван и Петр, прозеванные в народе Зубенками, шатались по окрестным лесам и часто навещали свои брошенные дома.

Вдали от районного центра, куда даже на лошади трудно добраться по бездорожью, они чувствовали себя вольготно. И когда группа Караваева подошла в сумерках к зубовскому приземистому дому, под крышей которого уместилось крупное хозяйство, никто не удивился, что окна ярко светились и далеко вокруг разносились разухабистые песни — бандиты гуляли.

Сторожевые псы, почуяв чужих, злобно завыли. А через мгновенье затрещали беспорядочные выстрелы. Шальная пуля угодила в Басманова. Тихо вскрикнув, он упал в свежую солому.

Иван подполз к нему:

— Сергей, ты ранен?

Тот, застонав, повернулся. Раксин схватил его руку и закинул себе за шею.

Полтора километра, по колено утопая в грязи и воде, нес Иван своего учителя и наставника. А когда выбрался на дорогу, где ожидала лошадь, осторожно положил его и, переведя дух, сказал:

— Ну и тяжелый ты, Сергей!

Басманов улыбнулся и молча пожал руку.

Едва начало светать, группа, растянувшись жиденькой цепочкой, снова направилась к хутору.

Раксин шел крайним. Новое пальто, испачканное кровью и грязью, набухло от воды. В сапогах булькало и хлюпало. Трудно без шума переступать по валежнику и нырять в гущу ельника, но чувство долга и ответственности было таким сильным, что он, не замечая усталости, упрямо и пружинисто пробирался между стволами и легко, по-кошачьи, шел по бурелому — совсем как в детстве во время игры в сыщиков и разбойников. То и дело вытирая с лица капельки воды, смешанной с потом, он пристально оглядывался по сторонам, готовый в любой миг к встрече с врагом.

Но врага встретил не он. Ивана Зубова задержали на дороге. Озираясь, он поднял дрожащие руки.

В подкладе брюк у него нашли записку: «Был, ушел, еще приду». Кто автор этой загадочной записки, кому она адресована, Зубов не говорил.

Его привели на хутор Афанасия Зубова. Хутор стоял на дороге из Сивы в деревню Тюмень; и Караваев решил немедленно отправить задержанного в штаб чекистского отряда, который находился в семнадцати километрах.

Отец Зубова, седобородый кряжистый старик, ахая и причитая, вывел из конюшни лошадь.

— А вот со сбруей плохо, — жаловался он: — не знаю, что и напялить на гнедую.

Вдвоем с каким-то тщедушным мужичком, оказавшимся на хуторе, они долго лазили по амбарам, шарили в сенцах и, наконец, отыскали упряжь.

— Ты, Иван Ильич, нас хорошо знаешь, так блюди скотину-то, — напутствовал старик, пристегивая вожжи.

Александр Александрович отозвал Раксина в сторону:

— Доставишь этого гада в штаб. Любой ценой. Понял?

Яша Караваев, словно выросший из-под земли, неожиданно прервал разговор:

— Разрешите, мы вместе поедем!?

— Нет!

И когда Яша отошел, командир группы, будто извиняясь, сказал:

— Дал бы я тебе еще человека, но сам знаешь: людей в обрез, а тут, видимо, будет горячо.

— Все ясно, — четко, по-военному ответил Иван.

Ездовой, случайно подвернувшийся на хуторе, и арестованный уселись на передок телеги, а Раксин позади. Лошадь, понуро кивая головой, едва тащилась по кочковатой дороге. С обеих сторон подступили к ней ели и сплелись ветвями, образуя сумрачно-зеленоватый коридор.

Раксин не спускал глаз с Зубова, рыжим коршуном глядевшего на глинистые ободья колес. «Такой сморчок, — думал Иван, — а жалит вроде крапивы. Вот повышибаем им зубы окончательно, и чисто станет кругом».

Лошадь остановилась. Ездовой спрыгнул и начал копаться с хомутом, Зубов вдруг засвистел лихую песенку.

Иван, почувствовав неладное, отступил от телеги. И тут из-за елки волком прыгнул на него бандит. Он схватил Раксина сзади, но Иван успел выдернуть наган и через плечо выстрелил. Кто-то ударил его по голове, земля качнулась…

К повозке со всех сторон бежали бандиты.

— Бей председателя, бей его, окаянного! — вопили они. Раксин очнулся и в упор расстрелял остаток патронов. Железными кулаками он крошил налево и направо, но слишком неравны были силы: один против одиннадцати.

Девятнадцать штыковых ран свалили его. Бандиты исступленно били кольями, а когда решили, что председателю пришел конец, бросили на кучу хвороста.

Прошло несколько минут. В последнем порыве Иван встал,

покачиваясь, как подрубленное дерево. Кровь заливала ему глаза; изорванная в клочья, ставшая красной рубаха обтянула широкие плечи, он расправил их и шагнул. Раз, другой, третий… Тонкие, нежные стволы березок, за которые он держался, подгибались, и бронзовая листва брызгала чистой, как слезы, дождевой водой. Иван жадно хватал воздух, а бандиты, оцепенев от ужаса, пятились к черной стене леса.

— Сволочи! — крикнул он вслед им и рухнул головой вперед, как, падают солдаты в атаке.

…Известие о гибели Ивана Раксина всколыхнуло весь район. На митингах и собраниях колхозники требовали беспощадной расправы с остатками кулачества и принимали обязательства — досрочно выполнить план хлебосдачи.

Смерть Раксина заставила многих пересмотреть свое отношение к колхозам и наяву ощутить, какой дорогой ценой оплачивается каждый шаг вперед; она сильнее сотни агитаторов призвала в комсомол на смену погибшему десятки таких же, как Раксин, рабоче-крестьянских сынов.

Три дня, с утра до вечера, толпился народ у райкома ВЛКСМ. Гроб с телом Раксина, утопая в цветах и венках, стоял в комнате, где мартовским вечером двадцать пятого года Иван, получив комсомольский билет, обещал жить как коммунист.

Проститься с ним шли старики и дети, женщины и ветераны войны, старые коммунисты и пионеры.

Не видело еще село столько людей на своих тесных улицах, сколько собралось в слякотный, пасмурный день четвертого октября.

Похороны комсомольца превратились в массовую демонстрацию единства, сплоченности и непоколебимой решимости быть верными партии и Советской власти.

Рядом с приспущенными траурными знаменами колыхались на ветру красные полотнища лозунгов:

Врагу нас не запугать! Выше бдительность!

Дело, за которое умер Раксин, победит!

На вылазку классового врага ответим досрочным стопроцентным выполнением плана хлебозаготовок!

Под звуки траурного марша гроб опустили в могилу. Троекратный ружейный салют разорвал тишину, и над свежим холмом земли вырос скромный серый обелиск — памятник с суровой и скупой надписью:

Вечная память Раксину Ивану, павшему в борьбе с кулачеством в годы коллективизации 1 октября 1931 года.

Газета «Молодой колхозник» писала в те дни:

«Хлебозаготовки нынешнего года проходят в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Классовый враг — кулачество пытается сорвать успех хлебозаготовок. Кулачество путем убийства наших товарищей пытается затормозить хлебозаготовки.

На убийство товарища Раксина, активного общественника, члена бюро Сивинского райкома ВЛКСМ, председателя колхоза, комсомольская организация ответит организацией хлебного потока с полей».

Призыв областной газеты был услышан повсюду.

— Обозы в Сиве, — рассказывает Наталья Раксина, — шли трое суток без перерыва. Это походило на войну. Утопая по колено в грязи, колхозники-комсомольцы чуть не на себе везли подводы с зерном. Лошади уставали и, обессиленные, ложились на дороге, а люди не падали.

* * *

Почти сорок лет прошло со дня гибели сивинского комсомольца Ивана Раксина. Многое, за что боролся молодой председатель колхоза, давно воплотилось в жизнь. Далекие мечты бедняцких парней и девчат стали явью. Жизнь колхозной деревни с каждым годом становится богаче и краше.

Славное имя Ивана Раксина многим помогло найти правильный путь в жизни. Герой-комсомолец и в наши дни находится в передовых рядах бойцов за коммунизм.

В Сиве входит в традицию вручать комсомольские билеты принятым в члены ВЛКСМ около памятника Ивану Раксину. Это очень хорошая традиция!

— Никогда я не забуду тот день, — взволнованно говорит комсомолка Людмила Насонова, — когда мне вручили комсомольский билет у памятника Раксину. Я клянусь своей жизнью походить на комсомольца-героя Ивана Раксина.

— Я клянусь… — восклицает Нина Чащихина, прижимая комсомольскую книжицу к груди.

— Я клянусь… — вторит ей комсомолка Нина Маевская. Героический подвиг Ивана Раксина живет в сердцах сотен и тысяч юношей и девушек наших дней, зовет на новые большие дела.

Источники

И. Сталин. Ответ товарищам колхозникам. Сочинения, т. 12, стр. 178–183.

Архив управления МВД Свердловской области. Дело № С/Д 71/90-К.

А. Шарц. «Историческая справка о Сиве». Газета «Колхозная правда» (Сива), 1954, № 65.

«Жертва кулацкого террора», Газета «Молодой колхозник» (Свердловск), 1931, № 83.

Сивинский районный архив. Дела 1931 года.

А. Караваев. «После гражданской войны». «Колхозная правда», 1957, № 96.

М. Ларьков. «Незабываемые годы». «Колхозная правда», 1957, № 77. «Навечно в народной памяти». «Колхозная правда», 1957, № 101.

А Басманова. «Незабываемые годы». «Колхозная правда», 1958, № 130.